

83.3(2 Рос = РС)6

4-84

Коробков

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ
М.А.БУЛГАКОВА

Мариэтта Чудакова

НЕХОРОШАЯ ЛЕСТНИЦА

ТРЕ

РАНСТВО

АШЕННЫМ

ВО

МА

ГАКОВА

СПАСИБО

Коробочки

1. 1. 1941
2. 1. 1941
3. 1. 1941

Меня в вас утешит
обуясь прекрасным
и жилам...

2178411

АБ МЕБЕК "ОМБ"
города Пермь

Музей М.А.Булгакова благодарит Департамент культуры города Москвы и непосредственно Управление культуры Центрального административного округа города Москвы за финансовую и организационную поддержку.

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-84

ISBN 978-5-91763-002-1

© Автор: М. Чудакова

© Фото: А. Задикян, Е. Мишин, из архива музея М.А. Булгакова

© Дизайн, верстка: М. Ярусов, Л. Сандырева

Редактор: Г. Волина

Москва
май 2009 год

СПАСИБО

В 1960-е годы в газетных киосках нашей страны можно было купить не только газеты, но и «толстые» журналы – «Новый мир», «Знамя», «Звезду»... А также и «тонкие» – например, «Здоровье» (его очень любили женщины всех возрастов – они находили там полезные советы на все случаи жизни) или «Сельскую молодежь»: там встречались неожиданные литературные публикации, укрытые от цензуры под безобидным для цензорского взгляда «сельским» названием журнала. Тонких «глянцевых» (гламурных) журналов тогда не издавали.

То, что творилось перед этими киосками в ноябре 1966 года, заставляло вспомнить только ситуацию ровно четыре года назад. Тогда, в 1962 году, в те же пасмурные ноябрьские дни в киосках появился № 11 «Нового мира» с повестью никому до тех дней не известного рязанского учителя математики Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а затем и выпуск многотиражной «Роман – газеты» с этой повестью, с сумрачным лицом автора на обложке...

Теперь, в ноябре 1966-го, люди вновь штурмовали киоски, мгновенно разбирая не имевший до этого никакого спроса (в отличие, скажем, от «Нового мира») журнал «Москва» в тонкой голубоватой обложке. Там печатался роман Михаила Булгакова с таинственным названием – «Мастер и Маргарита». Одних оно просто завораживало необычным звучанием. Других же – тех, кого Булгаков назовет в эпитоге своего романа «наиболее развитые и культурные люди», – заставляло вспомнить героя Гете Фауста и его Маргариту (Гретхен).

Интерес подогревался и тем, что автора почти никто до середины 1960-х годов не знал – кроме литературоведов и тех, кто помнил спектакли 1920-х годов по его пьесам – «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира». Они шли с большим (у зрителей) и скандальным (у официальных советских критиков) успехом и были через несколько лет сняты.

...Да, сегодня это трудно себе представить, но Булгакова тогда мало кто – в масштабах огромной страны – знал. Правда, «Дни Турбиных» с 1954 года вновь, после перерыва в тринадцать лет, появились на московской сцене – но уже не во МХАТе, а в театре Станиславского. Не забудем однако – в 1966-м еще были живы и находились в полном здравии многие из тех, кто попал на знаменитые спектакли МХАТа, открывшиеся премьерой ровно 40 лет назад, в октябре 1926-го года.

Эти люди помнили, как на спектаклях МХАТа падали в обморок женщины, узнававшие в обаятельных героях пьесы своих мужей и братьев, убитых, изгнанных за пределы отечества, оплеванных... Булгаков был *единственным* литератором, вступившимся за тех, кого публично не именовали иначе как *золотопопной сволочью*. И для тех немногих москвичей, кто помнил спектакли второй половины 20-х годов, его имя не было пустым звуком.

В том же 1954-м году на Втором съезде советских писателей (через 20 лет после Первого, через год после смерти Сталина) В.Каверин, автор знаменитых «Двух капитанов», не знавший Булгакова лично, упомянул его как первоклассного писателя, незаслуженно и насильственно забытого. Тронутая этим Е.С.Булгакова прислала ему тексты неопубликованных пьес и прозы.

Тогда же, в 1955 году, когда после смерти Сталина начиналось то, что вскоре на-

зывают «оттепелью», и люди культуры понемногу зашевелились, с огромными усилиями удалось выпустить первое за тридцать лет отдельное издание Булгакова. Тонкая книжечка, вышедшая очень маленьким для тех лет тиражом (10 000 экз.), включала только две из всех написанных блестящим драматургом пьес: «Дни Турбиных» и пьеса о Пушкине под неавторским названием «Последние дни» (авторское — «Александр Пушкин» — было, правда, дано в след, в скобках).

В 1962 вышла в ЖЗЛ «Жизнь господина де Мольера», (авторское заглавие «Мольер»), с огромными купюрами, сделанными самой Е.С.Булгаковой, — мотив кровосмесительства для советской печати был неприемлем. А еще спустя год, в 1963-м, появилась совсем тонкая книжечка в бумажном переплете — «Записки юного врача», вышедшие в «Библиотеке «Огонька»» (эта библиотечка рассылалась подписчикам журнала «Огонек» в качестве приложения); здесь тираж был побольше других изданий.

А через два года, в 1965-м, в № 8 «Нового мира» появилось пленившее всех читателей не законченное автором сочинение под названием «Театральный роман»: это был авторский, но предварительный вариант заглавия, потом Булгаков предпочел ему, как видно из рукописи, другое — «Записки покойника». Сегодняшнему читателю России, в Конституции которой записано: «Цензура запрещается» (статья 29, ч.5),

мы уже не будем даже пытаться объяснить, почему ни один советский цензор не пропустил бы в печать произведение под таким названием. Но тогда это понимали все. И Константин Симонов, отстаивавший публикацию, вспоминал позже свою мотивировку: «Лучше издать «Театральный роман», чем не издать «Записки покойника».

Блестящее, окрашенное неподражаемым комизмом сочинение, где за главными героями угадывались неприкасаемые в позднесоветские годы «родоначальники» МХАТа Станиславский и Немирович-Данченко, пленило всех читателей журнала «Новый мир». Их число измерялось уже сотнями тысяч. Читателей же в стране было больше сотни миллионов.

И в том же 1965 году вышла книга «Драмы и комедии». Счастливые обладатели небольшого томика (тираж 10 000) могли впервые прочитать пьесы «Бег», «Кабала святош», «Иван Васильевич»... И не давая им опомниться, выпустили осенью 1966 года многим памятный синенький том «Избранной прозы» Булгакова... Купить его в книжных магазинах сразу же стало невозможно. Лучшего вознаграждения, скажем, для врача от благодарного пациента в те годы не было. Советская власть, не давая возможности читать книгу всем желающим в нашей стране, торговало ею за валюту — за границей в магазинах русской книги и у себя дома. Заезжие иностранцы либо привозили ее из своих стран, либо покупали для подарка здешним знакомым в тогдашних московских магазинах «Березка»¹.

В этом томе впервые после 1925-го года, а кроме того — в полном, не обрезанном на треть, объеме² был напечатан роман «Белая гвардия». Туда же вошли «Театральный роман», роман о Мольере, «Записки юного врача».

Но никакие читательские симпатии, возбужденные всеми этими изданиями, несравнимы с тем, что произошло с читателями первой части романа «Мастер и Маргарита» поздней осенью 1966 года.

«...В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

¹ Вспомним «Мастера и Маргариту»: «... У нас только на валюту... — прохрипел швейцар. Атмосфера в этих носящих столь патристичное именование заведениях, где купить дефицитные товары можно было только на валюту или на специальные чеки — сертификаты — точь-в-точь воспроизводила булгаковское описание Торгсина, и покупатель мог остановить привратник и попросить продемонстрировать валюту...»

² Журнал «Россия», в котором в 1925 году печатался роман «Белая гвардия», закрылся, и уже набранная в № 6 последняя треть романа осталась неизданной.

2.

Теперь уже и не скажешь, чем же мы все были тогда больше всего захвачены.

Почти физическим ощущением летней московской жары, «когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо», и «знойный воздух сгустился», кажется, не перед одним Берлиозом, а дохнул на любого читателя прямо с журнальных страниц?

Или тем, как, совершенно необычно для того времени (никогда советская цензура не пропускала в печать ничего подобного), с первых же страниц, в упор, без каких бы то ни было смягчений и оговорок был осмеян атеизм как принудительное государственное мировоззрение?

Или пронзающей наглядностью евангельской истории — «А не надо никаких точек зрения... Просто он существовал и больше ничего».

«Становилось все темнее. Туча залила уже полнеба, стремясь к Ерусалиму, белые кипящие облака неслись вперед напоенной черной влагой и огнем тучи. Сверкнуло и ударило под самым холмом. Палач снял губку с копыя.

- Слава великодушному игемона! — торжественно шепнул он и тихонько колынул Иешуа в сердце. Тот дрогнул, шепнул:

- Игемон...

Кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла».

Или той поразительной свободой, с которой была не только высмеяна, но прямо-таки оплевана решительно вся «прослойка» (в нее советская власть записывала практически всех, кто не занимался физическим трудом), идеологическая обслуживающая государство, — от посетителей Дома Грибоедова, редактора Берлиоза, секретаря редакции, девицы «со скошенными к носу от постоянного вранья глазами», — до записного конферансье?

Или жуткой, непривычной для советского читателя своей лаконичной обнаженностью, но в то же время с неуловимым оттенком гротеска картиной гибели Берлиоза? «Тут мозгу у Берлиоза кто-то отчаянно крикнул: «Неужели?...» ...Трамвай накрыл Берлиоза, под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной.

Это была отрезанная голова Берлиоза».

А «неизвестно откуда взявшийся кот»? «...Громадный, как боров, черный, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами»? И передвигающийся к тому же исключительно на задних лапах?..

А Коровьев, рыдающий перед потрясенным такой сердечностью Поплавским? «Правая нога – хрусть, пополам! Левая – хрусть, пополам! Вот до чего эти трамваи доводят!»

Сильнейшее впечатление производило это резкое столкновение двух планов – комический гротеск «московских» глав, отсылающий непосредственно к Гоголю, и высокий драматизм и трагедийность глав ершалаимских.

О самом существовании рукописи романа вплоть до ее публикации никто не знал – кроме немногих близких друзей Булгакова и Е.С. Булгаковой. Появление романа в печати было полной неожиданностью.

Впечатление исключительности явления усиливалось обстоятельством, новым для публичной советской жизни: напечатали роман, который пролежал в шкафу больше двадцати пяти лет после смерти автора!.. Советские люди не привыкли к такому. Известно было (со слов официальной пропаганды), что у нас никого не запрещают, писатели пишут – их печатают...

Роман противоречил и противостоял всей окружающей подцензурной литературе: до этого, скажем, и представить себе было нельзя, чтобы одним из главных персонажей у советского (т.е. жившего и писавшего в Советском Союзе) автора был Дьявол!

Заглавный герой романа Мастер, пишущий роман о Пилате и Иешуа, который так и не смог опубликовать свой роман, невольно ассоциировался с самим автором. Получалось, что писатель с такой необычной судьбой возник перед читателями как бы одновременно со своими необычными героями – и был в какой-то мере к ним приравнен. Роман был воспринят – особенно юными читателями – как свидетельство, как некая правда.

Удивительный автор глядел на нас в упор между строк своего текста. А между тем биография его была почти неизвестна.

И тогда побежали по Москве замороженные романом люди в поисках следов жизни автора и его героев...

3.

Московские адреса, по которым жил писатель, и тем более те, по которым будто бы проживали его герои (и даже окна, из которых они вылетали), сначала никому не были известны. Только позже появились те люди, специальностью которых стало точнейшее знание местоположения того окна, из которого вылетела на щетке Маргарита.

Первой вехой на пути поклонников Булгакова к лестнице дома № 10 по Большой Садовой стал мемуарный очерк актера и литератора Владимира Левшина.

В 1971 году он рассказал в журнале «Театр», как в романе узнал антураж двух квартир этого дома, в которых, как выяснилось, последовательно жил Булгаков – сначала в 50-й, потом – всего несколько месяцев перед тем, как покинул дом и первую жену, – в 34-й³: в ней тогда и жил автор публикации.

И, конечно, именно квартиру №50, номер которой сохранен писателем в романе, прочно связали с Мастером, Маргаритой и Воландом, с ночным балом висельников и другими событиями, тщательно описанными в романе.

Второй вехой стал документальный телефильм «Михаил Булгаков. Литературное наследство» (1978). Автором был К.Симонов, научным консультантом – автор этого текста. Тот же самый житель дома № 10 рассказал уже с телеэкрана – то есть действительно миллионам зрителей – о доме на Большой Садовой и о том, что

именно квартира № 50 отразилась в давно уже ставшем знаменитым романе. И вскоре после этого к дому, показанному с телеэкрана, потянулись посетители. Любовь к писателю и жгучий интерес к его роману нашли свой адрес.

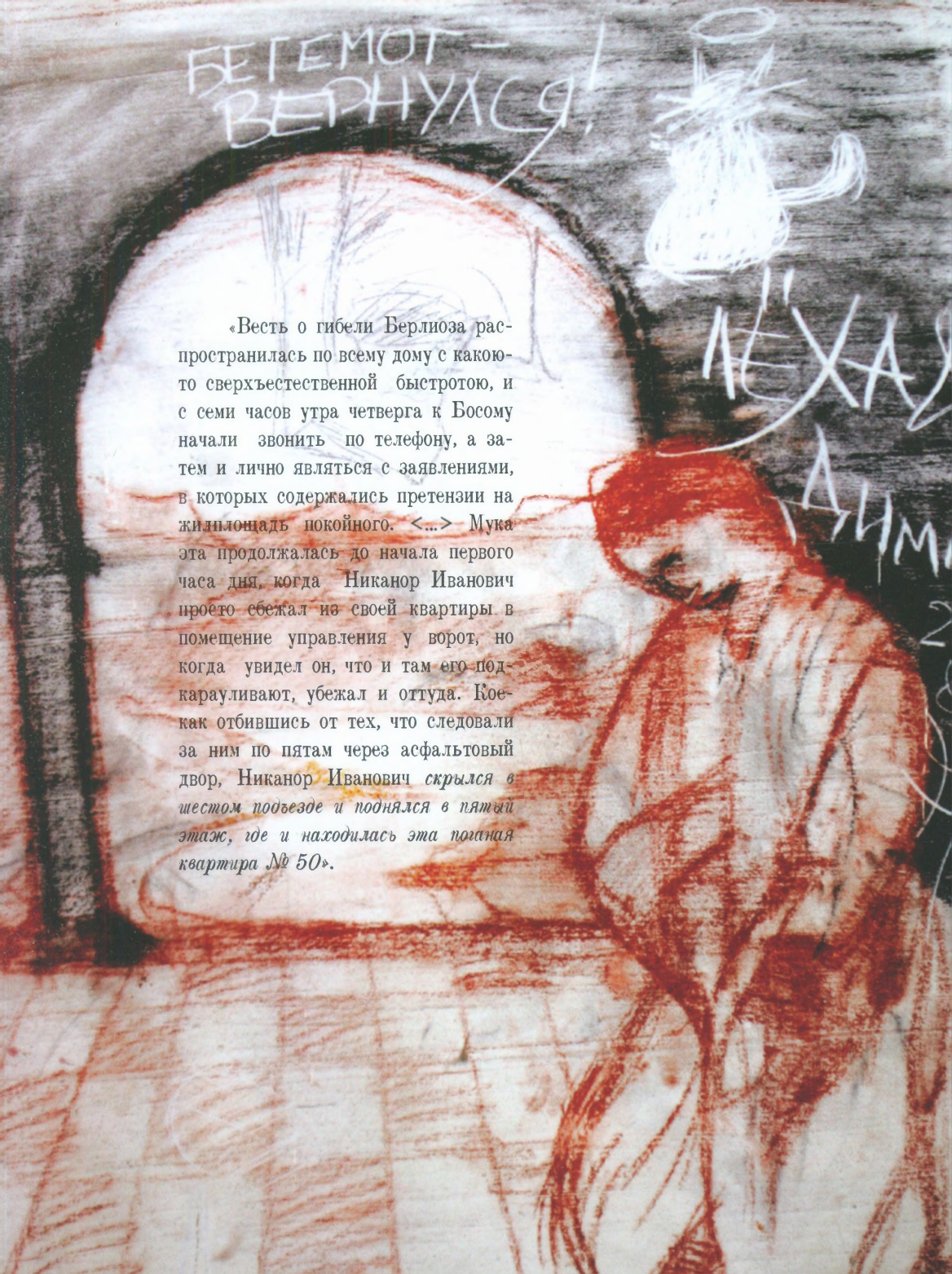
70-е годы, а точнее – 1971-78 гг., – стали временем отождествления дома № 10 по Большой Садовой, его подворотни-тоннеля, двора, подъезда № 6 (счет подъездов в этом доме идет необычным образом – справа налево!), квартиры № 50 на 5-м этаже и особенно ведущей к ней *лестницы* не столько даже с первым местом обитания в Москве Михаила Булгакова, сколько с *местом действия* любимого романа.

Наиболее пытливые найдут потом фрагменты этого адреса в названии одной из главок мало кому известных тогда «Записок на манжетах» (1923): «6-й подъезд, ...кв.50...». Ну, а внимательные читатели романа «Мастер и Маргарита» прочитают этот адрес, черным по белому впечатанный – вместе с многократно описанным двором – в текст самого романа:

³ Левшин В. Садовая, 302-бис... // Театр. 1971. № 11.

8.

СПАСИБО

«Весть о гибели Берлиоза распространилась по всему дому с какой-то сверхъестественной быстротой, и с семи часов утра четверга к Босому начали звонить по телефону, а затем и лично являться с заявлениями, в которых содержались претензии на жилплощадь покойного. <...> Мука эта продолжалась до начала первого часа дня, когда Никанор Иванович просто сбегал из своей квартиры в помещение управления у ворот, но когда увидел он, что и там его подкарауливают, убежал и оттуда. Как-как отбившись от тех, что следовали за ним по пятам через асфальтовый двор, Никанор Иванович *скрылся в шестом подезде и поднялся в пятой этаж, где и находилась эта поганая квартира № 50*».

Многие и многие двинулись в те годы через этот самый *асфальтовый двор* прямо в указанный в романе подъезд.

Именно подъезд получил в сознании поклонников Булгакова первостепенное *мемориальное* значение — ведь сюда ежедневно в течение первых московских лет входил будущий автор «Мастера и Маргариты», по этой лестнице поднимался на свой 5-й этаж. Но одновременно в лестнице, ведущей в квартиру, быстро ставшую знаменитой, узнавали *место действия* прославленного романа.

Ведь в романе *действительно* оказались отражены и дверь, «ведущая в какую-то каморку» на площадке первого этажа, где сидел потрясенный своим визитом в квартиру покойного племянника Поплавский, и площадка четвертого этажа: на ней разыгрывается в романе несколько эпизодов с престолутой Аннушкой (нашедшей на площадке «бриллиантовую подкову», и т.п.). И ее место жительства — квартира №48 — тоже четко обозначено в романе.

На эту лестницу выбегают непрощенные гости Воланда — и, к изумлению Аннушки, вылетают через окна на площадке между этажами... Наблюдающий за квартирой в ночь шабаша дежурит «на площадке *третьего* этажа». А затем по этой лестнице поднимаются, чтобы покончить с теми, кто «пошаливал» в квартире № 50.

Это особое двойное значение *лестницы* оценили раньше всех молодые поклонники Булгакова. Она имела для них первостепенный мемориально-музейный смысл *за тридцать лет* до решения о создании мемориального музея-квартиры. На ней они и сегодня задерживаются подолгу, изучая каждую пядь. Вся *лестница* является несомненной частью охраняемой мемориальной зоны квартиры № 50. Кафельные плитки на площадках, сами ступени не подлежат ремонту и замене, а должны демонстрироваться посетителям так же, как во многих охраняемых домах Петербурга жильцы с гордостью обращают наше внимание на подлинные ступени, стертые за два века.

И на стенах этой лестницы стали признаваться в любви к писателю и его роману.

В мае 1989 г. в редком и малотиражном издании — однодневной газете, выпущенной в дни Булгаковского праздника на Патриарших прудах, — мы начертили первый абрис того, что происходило с лестницей дома № 10 в предшествующие годы:

«3 июля 1982 года, поднявшись на 5-й этаж, я увидела на стене около двери (стена тогда была еще белой, а дверь — деревянной, не металлической, как теперь) несколько еле видимых надписей. Писали карандашом и царапали гвоздиком; видно было желание авторов выразить испытанное ими волнение — но как можно более скромно, ненавязчиво.

Я списала тогда эти первые надписи:

«Ребята! Как грустно.»

«Спасибо!»

«Да святится имя Михаила Афанасьевича!»

«Боги, боги мои, как грустна вечерняя земля!»

Через год-полтора стены на лестнице были покрыты уже снизу доверху — красиво выписанными строками романа, иллюстрациями к нему — порой очень удачными — и некоторыми свободными комментариями:

*Кто не читал Аксакова,
Тому прощу обиду,
Кто ж не читал Булгакова,
Тому я не завидую.*

И подпись лица, никому, кроме его друзей, неведомого, — «Д.Панков».

Потом появилась сочувствующая заметка в «Известиях», после чего по распоряжению райисполкома стены подъезда были закрашены зеленой масляной краской, а выше — побелены. Удивительный музей исчез.

Потом он, конечно, возродился — хотя того изящного художества уже нет: гуашь не ложится на масляную краску. Все стало попроще, потопорнее. И все же это — самосильно действующий музей, естественное выражение чувств к писателю: народная тропа, протоптанная к дому⁴.

⁴ Чудакова М. Михаил Булгаков и Москва //

Итак, что же было начертано на стенах знаменитого подъезда в первый период его необычной жизни – в течение нескольких лет первой половины 80-х, то есть в те самые совершенно советские годы, когда никто еще и представить себе не мог, что советская власть, казавшаяся вечной, уже на излете?

Прежде всего оказалось, что множество реплик героев или строк из авторского повествования запомнились читателям романа наизусть – подобно стихам – и с удовольствием воспроизводились. Если классифицировать их простейшим образом, то можно поделить на три большие группы:

1) радующие интонационно-комической выразительностью:

- Подумаешь, бином Ньютона!
- Не шалю, никого не трогаю, починяю примус...
- ...Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!
- У меня, может, полный примус валюты...
- Не при валюте мы сегодня...

2) трогательные лирической эмоцией:

«Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!»

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами...»

3) задевающие сами основы человеческого бытия:

... - Согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

- ...Ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?

Надо признать, что Михаил Булгаков обладал непревзойденным умением возбуждать читательский интерес и симпатию не только к роману в целом, к его персонажам, но и к отдельным репликам. Их хотелось повторять, смакуя. Они, подобно строкам Грибоедова «Горя от ума», входили в состав общенационального запаса присловий и поговорок.

Не знаю другого такого случая, чтобы роман – ВЕСЬ – перепечатывался на машинке и даже (два случая мне известны лично) переписывался от руки: так велика была жажда иметь весь текст у себя дома – для перечитывания.

Делали с большим риском и ксерокопии: устройства для них находились тогда исключительно в спецотделах. Простым смертным пользоваться ими было запрещено, как и любыми множительными аппаратами: советская власть боялась, что распечатают антисоветские листовки.

Затем эти копии любовно переплетали, иллюстрировали и т.п. (Они представлены сегодня в экспозиции Музея).

Но это означает и еще одно – особое внимание и любовь читателей Булгакова не только к общему смыслу, сюжету романа, но буквально к каждой его фразе: ведь не каждого писателя, даже и любимого, будешь *переписывать* рукой. Да не каждого, честно говоря, будешь перечитывать – и не раз. Булгаков хотел написать именно такую книгу, чтобы ее *перечитывали*, – и преуспел в этом.

Это свойство романа многое объясняет в его последующей читательской судьбе – и в том, что стало происходить на знаменитой лестнице.

...В одном, во всяком случае, для нас нет сомнений – в том, что прямое и даже преобладающее участие в граффити первых лет принимали студенты Московского

Архитектурного института, а также, возможно, Строгановки. Все надписи 1983 - 1985 гг. были выполнены со строгим соблюдением выбранного печатного шрифта (черная тушь или, скорее, гуашь на белой клеевой краске выглядела очень впечатляюще). Все рисунки были профессиональны и очень выразительны. Не забуду черного кота на подоконнике с отодвинутой занавеской, спиной к зрителю, с желтой луной над его головой. И подпись: – *Я буду молчаливой иллюстрацией.*

Мейнстрим граффити этих лет – воспроизведение фрагментов романа с тем оттенком их присвоения, который передается словами: «Это мои любимые строки!» Сопоставить это можно было бы с выписыванием любимых изречений в рукописный альбомчик (в 40-е – 50-е годы, во всяком случае, такие альбомчики у людей школьного возраста существовали). Разница была – в *обнаrodовании* своих вкусов, в адресации к единомышленникам – братству поклонников романа. (Ведь еще пять-шесть лет назад существовали – возможно, существуют и сегодня – пятнадцатилетние барышни, на внимание которых мальчик, не читавший «Мастера и Маргариту», рассчитывать ни в коем случае не мог.)

14. СПАСИБО

Можно составить примерный перечень прямо связанных с чтением романа *мотивов*, проступавших за тогдашними граффити:

Любовь к автору и благодарность ему.

Любовь к героям романа (связанная с мотивами памяти, совести) и отождествление с ними: «Иешуа, прости нас!», «Маргарита, я жду тебя!», «Маргарита, тебя ищет Мастер!»

Строки романа как камертон личных эмоций его читателя.

Апелляция к Воланду как к тому, кто принесет возмездие современному злу, — изживание своих претензий к современной реальности. (Вообще — сильный мотив ожидания нового пришествия в Москву героев романа).

Мечта о чуде, о покое как нирване.

Игра с текстом, наслаждение его строками — ср. излюбленная, многократно воспроизводившаяся запись диалога (ремарки опускались) Азазелло и Коровьева:

- А что это за шаги такие на лестнице?

- А это нас арестовывать идут..

- А-а, ну-ну...

Или сокращенные перифразы:

Аннушка уже пролила масло!

Тексты перемежались рисунками, по фактуре напоминавшими фрески. На первом месте по частоте изображения был, пожалуй, кот Бегемот — в разных видах. Затем — Иешуа, Маргарита, Воланд... Попытки изобразить Мастера были обычно столь же малоудачны, как его презентации на сцене и на экране. Нам приходилось не раз объяснять, что сама поэтिका Булгакова препятствует визуальному воспроизведению героев — его alter ego: эта поэтिका предполагает заполнение их полого контура (напомним — Мастер входит в роман без имени и почти без биографии) тем, что мы узнаем по мере чтения о самом авторе романа.

Но уже в середине 80-х стены выступили в функции еще не существовавшего в нашей стране Интернета и разнообразных интернетовских дневников. Так, например, именно здесь развернулось столкновение мнений по поводу поступка одного из любимых тогдашних режиссеров — А.В.Эфроса, согласившегося в 1984-м году на предложение власти возглавить оставшийся без руководителя Театр на Таганке.

5.

Прочитируем теперь упомянутую нами заметку в «Известиях»: это было первое и оказавшееся катастрофическим в условиях советской власти (и по-советски же двусмысленное – выделим далее эти двусмысленности курсивом) упоминание в печати о граффити на «булгаковской» лестнице:

«... Слухи утверждали: ... на стенах шестого подъезда злополучного дома чудесным образом проступает едва ли не весь текст романа; исчезают, чтобы вновь появиться, изображения основных персонажей.

... Мы вошли в подъезд и ахнули.

Все было, как и рассказывали нам. И строки романа. И портреты Мастера и Маргариты, Воланда и его свиты, даже следы Бегемота – вот они! Какая бездна работы проделана – цветными мелками, гуашью, фломастерами, гвоздями, наконец! Сколько тысяч поклонников романа прошли мимо этих стен, оставив после себя память, *надо признать, не всегда интересную? В борьбе за чистоту стен в подъезде ДЭЗ [домоуправление] 16 Краснопресненского района – сторона не столько сражающаяся, сколько сражаемая ...»⁵.*

Изобретенное авторами страдательное прилагательное (в русском языке эта форма данного слова обычно не употребляется) было их уступкой властям (разве могла быть непременно интересной каждая запись?) и возыме-ло свое действие. На наш взгляд, реакцию московских властей в те глубоко советские еще годы просто невозможно было не предвидеть. Ясно было, что ни в коем случае нельзя привлекать их внимание к самостийно возникшему месту самовыражения читателей романа: советская власть не терпела ничего самостийного. Казалось бы, это знали все. Оказалось: кроме журналистов. А они-то вроде бы по самой профессии должны были знать современную им реальность. Когда год спустя после статьи и всего происшедшего я спрашивала авторов: «Неужели никто в «Известиях» не попытался вас остановить, предупредить о последствиях?...», они отвечали: «Нет, никто! Мы таскали верстку по всем этажам, все читали и говорили: – Молодцы, срочно надо печатать!».

⁵ Арсеньев Вл., Гринько Ю. Нехорошая квартира (Садовая, 302-бис, № 50). // Известия, 12 января 1985 г. (До Горбачева оставалось три месяца, до конца советской власти – шесть с половиной лет).

2173411

Если подумать над этим – становится понятным: журналисты настолько привыкли писать о чем угодно, но только не о советской жизни в *реальных* ее очертаниях, что действительно перестали чувствовать реальность!..

Во второй статье обескураженные авторы описывали последствия.

«Как рассказывают очевидцы, на другой день после публикации “Нехорошей квартиры” в подъезд № 6 нагрянули три феи в ватниках. С ведрами зеленой краски в руках.

... И коммунхозовские скрижали украсила еще одна немудренная победа.

...Такие вот непредвиденные последствия публикации, вся цель которой в том только и состояла, чтобы по-доброму улыбнуться над необычным проявлением читательского интереса к «Мастеру и Маргарите».

Воистину – не дано предугадать, как слово наше отзовется...

Будем считать случившееся досадным недоразумением»⁶.

В течение нескольких месяцев стены оказались вновь заполнены – хотя техника по масляной краске была вынужденно иной.

Приведем одно из печатных свидетельств – спустя полтора года.

«Я вошел в примечательный подъезд: меня встретил Понтий Пилат, прокуратор Иудей.

Ошибиться было невозможно. Портрет, что называется, дышал жизнью. ...Как всякая творческая удача, и эта не требовала пояснений. Однако стена, по которой прошлепал углем и фломастером неизвестный художник, пестрела ими, напоминая густую разноцветную паутину»⁷.

Выделенные нами слова описывали новый стиль граффити, обусловленный новым покрытием стен – на прежнем белом клеевом фоне надписи ясно отделялись одна от другой, «паутины» не было.

Как звездная пыль, лился теперь на входящего в подъезд человека поток пересказанных по памяти булгаковских (и цитируемых Булгаковым) слов и словечек («Мир вам!», «Здорово, вредитель!»), обращений к героям романа («Коровьев, ты просто прелесть!»), возгласов, закрепленных на письме эмоций, обращений друг к другу в контексте стилистики романа («Прости меня и как можно скорее!»).

Участники этого действия смаковали вместе с автором романа его любимые строки:

...И я уже знал, что последними словами романа будут: «...Пятый прокуратор Иудей всадник Понтий Пилат».

Но сквозь «булгаковский» слой все сильнее проступал – местами подавляя его – слой совсем иной. Лестница все более и более развивала функцию Интернета – блогов и электронной почты.

⁶ Арсеньев Вл., Гринько Ю. Арсеньев Вл., Гринько Ю. Не стучать, не звонить! (Саловая, 302-бис, № 50). //

Известия, 7 февраля 1985 г. (Московский вечерний выпуск).

⁷ Куликов В. Конец квартиры № 50? // Комсомольская правда, 30 августа 1986 года.

Шла активная интерпретация романа — и интерпретация своей повседневности посредством романа. Каскад «близких к тексту» выписок из него перетекал в книги отзывов (которые в 1990-е годы заполнялись очень быстро);

«Все будет правильно, на этом держится мир. Воланд».

«Документ с датой недействителен» (и рядом — перечеркнутая крест-накрест дата записи: «26 - 4 - 96»).

«Деспот и мещанин, не ломайте мне руку!»

«Сдавайте валюту!»

«Никогда ничего не просите, тем более у сильных, сами все дадут...»

Рисунок — голова Мастера.

«Мастер, ведь Вы же такой?! Мастер, скажите “да”...»

Воланд все более выдвигался вперед и начинал играть ту роль, которую для школьников 40-х — 50-х годов играл Печорин:

«Воланд, я жду тебя».

В то же время с ним постоянно связывалась функция возмездия:

«Кажется, пора Воланду опять появиться среди москвичей.

Приди, чтобы наказать тех, кто этого заслуживает».

«А вдруг Вы сами будете наказаны?!»

НЕХОРОШАЯ ЛЕСТНИЦА

СПАСИБО

АБЯ

WOLAN

6.

Помимо опережающей связи с Интернетом лестница протягивала нити к *ушедшим* видам искусства – к **титрам** немого кино и диафильмов.

Очевидна и связь ее с **театром**. Она прежде всего – в яркой **зрелищности**.

Перед входящими в подъезд была **не экспозиция**, имеющая начало, продолжение и конец. Хотя зрители и шли марш за маршем до конца лестницы, но рисунки и надписи не имели определенной последовательности, а на этапе Паутины уже наслаивались один на другой совершенно хаотично.

Ступивший на лестницу человек попадал в некое единое сценическое пространство – в *место действия* романа, в котором и разворачивались *куски* этого действия.

В сущности, возникала иллюзия *инсценировки романа*, но с особым образом выстроенной композицией, где разные части романа *перемешаны* в произвольном порядке. Ближайшая аналогия могла бы быть такой – разные актеры выходят из разных углов кулисы и читают свои любимые отрывки (минимализированные до отдельных реплик) инсценируемого сочинения. Важной была презумпция *знания всего текста романа* каждым зрителем. Поэтому каждая отдельная «реплика» – надпись, проступающая сквозь *паутину*, – репрезентировала весь текст романа для осведомленного посетителя, легко *обстраивающего* его в процессе медленного движения по лестнице.

7.

Эта «паутина» наносилась слой за слоем в течение последующих пятнадцати лет, пока стало ясно, что отказываться и далее от ремонта подъезда невозможно. Фонд Булгакова, арендующий у города квартиру № 50 для того, чтобы сохранять в первую очередь ее доступность для всех желающих, должен был что-то придумать.

Прежде всего я договорилась с фотографом, и он метр за метром сфотографировал всю лестницу. Затем мы попросили постоянно работающих с нами студенток Архитектурного института сочинить проект с сохранением «окон» прежнего состояния, с применением краски для дальнейшего записывания, и с созданием нескольких изображений, которые могли бы

играть роль ненавязчивого камертона. Надо было как-то противостоять тому, что последние слои «паутины» уже давно оторвались от Булгакова и его романа и превратили лестницу в нечто среднее между доской объявлений и почтовым ящиком.

Приведем две следующие — одна за другой записи в одной из книг отзывов:

«Много, много лет назад ваш покорный слуга прогуливал школу и убегал на Патриаршие, а в мае приносил цветы к этой двери. А еще читал «Мастера» в ксерокопии из «Москвы». Те, кому около 40 и больше, меня поймут, а остальным объяснять бесполезно. Как бы там ни было — я рад, что следующему поколению эта дверь открылась.

А хорошо бы все-таки сделать из квартиры настоящий музей. А то стоб — это хорошо, но не совсем к делу.

А.Н. 27.10.95

Эта дверь будет нужна и следующему поколению, так как нужна нашему. Мне 20 лет».

В середине августа 2000 года задуманный ремонт был сделан.

Начался новый этап граффити на лестнице Дома Булгакова.

Появились новые прекрасные работы; перед ними останавливались и долго стояли в задумчивости посетители квартиры № 50.

Но очень быстро они стали покрываться новыми наслоениями совсем другого разбора: «Здесь были Катя и Петя из Ростова» — число и подпись;

выражения любви к «Спартаку» или, наоборот, у гостей из Петербурга — к «Зениту»... И все это — прямо на фигурах и лицах персонажей романа. Будто разные слои нашего общества заявляли о себе на этих стенах. Прозошло это тогда, когда в квартиру стали водить экскурсионные школьники, когда в знаменитый подъезд стали заворачивать наслышанные про лестницу прохожие, а не только поклонники Булгакова.

И беззащитные стены лестницы взяли на себя уже не только функции Интернета, доски объявлений, почтового ящика, а и скамейки в темном углу парка или забора.

Помогли театральные художники — по нашим фотографиям они восстановили с десяток больших интересных работ. И лестница вновь ожила, задышала той жизнью, которую вдохнул в нее великий роман и его автор.

Но ненадолго. Однажды ночью неизвестные (но существующие неподалеку) вандалы внесли в подъезд ведро черной, как деготь, краски и залили все восстановленные работы, а заодно и ступени лестницы – ступени, по которым ходил когда-то сам Булгаков, а теперь с благоговением ступают поклонники писателя.

На стенах появилась нецензурная брань, фашистские свастики и выражение единственно доступной этим варварам эмоции – ненависти к другим этносам, то есть к людям, в чем-то непохожим на них самих.

Это происходило в декабре 2006 года. Человеконенавистническая акция была приурочена – в качестве подарка всем поклонникам Булгакова и самому писателю – к Булгаковским чтениям, посвященным сорокалетию со дня выхода в свет романа «Мастер и Маргарита». Чтения должны были открыться через три дня...

Стены вновь пришлось покрасить.

8.

Сегодня в квартире № 50 находится Музей Булгакова, основанный 15 мая 2007 года, – в день рождения писателя.

Рождение музея – отнюдь не конец Лестницы. Она ждет своего возрождения!

Наша огромная просьба ко всем посетителям Музея – почитателям творчества и личности Булгакова: отнеситесь с подобающим чувством к этой лестнице, по которой столько раз поднимался великий человек в нелюбимую им, но давшую жизнь роману «Белая гвардия» и героям «Мастера и Маргариты» квартиру.

Отнеситесь к этим стенам с тем же благоговением, с которым отнеслись к ней авторы первых граффити тридцать лет назад. Пусть на ней рисуют и пишут те, кто не только хочет, но и умеет выразить таким образом свои чувства к роману, его героям, его автору.

Докажите, что за эти десятилетия не оскудела российская земля талантливыми, да и просто думающими молодыми людьми.

А для тех, кто хочет выразить свои эмоции более пространно, поделиться своими впечатлениями и предложениями, – в Музее всегда лежат альбомы для записей, еле успеваем их менять.

Милости просим в 6-й подъезд дома №10 по Большой Садовой, на 5-й этаж, в квартиру № 50! Ждем вас.

Handwritten text, possibly a name or title, in red ink.

Small, faint handwritten text or markings.

50-00

СМЕРТЬ

СТОИТ ТОГО. ЭТОБ

ЖИТЬ,

ДЯВОЛЪ СТОИТ ТОГО ЭТОБ

ЖИТЬ.

(1866)

Музей М.А. Булгакова
Большая Садовая, 10, кв.50
(495)699-53-66
www.bulgakovmuseum.ru